

будучи последовательно реализованным, привел, как мы знаем, к бихевиоризму. Заметим, что бихевиористский подход исключает возможность полноправного, диалогического обсуждения экспериментов типа опытов Эббингауза, потому что для бихевиористов самонаблюдение находится вообще вне сферы научных процедур. Но наряду с самонаблюдением вне научных процедур находится для них и анализ самоотчетов испытуемых, которому столь большое внимание уделяли гештальт-психологи. Во времена гештальт-психологии изучать мышление и язык означало, например, следующее. Испытуемому дается трудная задача, и в процессе ее решения он должен стараться «думать вслух». Экспериментатор тщательно фиксирует как «мысли вслух», так и манипуляции испытуемого с реальными объектами. Предполагается, что анализ такого протокола позволит высказываться о том, как протекают мыслительные процессы и какую роль в этом играет языковая система. С точки зрения ортодоксального бихевиоризма описанная ситуация находится вне понятия «эксперимент». Желая лишить психику как объект научного исследования оттенка мистической исключительности, бихевиористы, подходя к проблеме мышления и языка, объявили заслуживающими внимания только поведенческие проявления, которые можно было бы считать непосредственно наблюдаемыми коррелятами мыслительных процессов, например разного вида психофизиологические реакции. Тот факт, что непосредственно наблюдаема не психика другого индивида, а лишь факты его поведения, они сделали научно очевидным (в чем их несомненная заслуга). Но за предлагаемыми бихевиоризмом путями экспериментального изучения мышления и языка стоит вполне определенный, хотя и не формулируемый постулат: вера в наличие прямой связи между механизмами мышления и наблюдаемыми психофизиологическими реакциями. Вера есть вера, она субъективна по определению. Психофизиологические реакции поддаются объективному наблюдению, но их интерпретация как индикаторов психических процессов определяется исходными познавательными установками: как и любой эксперимент, эксперимент, где регистрируются психофизиологические параметры, теоретичен. Если принять указанный постулат, то направление экспериментальных исследований определяется тем, что надо совершенствовать психофизиологические методики, позволяющие регистрировать такие показатели, которые упомянутую связь фиксируют и измеряют. Так, долгое время одним из многообещающих показателей считались движения глаз при чтении текста. Ученые надеялись, что если удастся записать движения глаз при восприятии вербальных последовательностей достаточно точно, то можно будет раскрыть механизмы понимания текста. Нельзя сказать, чтобы результаты были вовсе неинтересны. Но в данном случае именно тонкость методик, позволяющих определить место фиксации взора с точностью до буквы, и позволила убедиться в непродуктивности подхода. Как известно, глаз передает мозгу информацию только в период фиксации взора, но не во время движения от одной точки фиксации к другой. Значит, глаз должен был бы дольше всего останавливаться там, где в тексте находятся наиболее информативные места. Содержательные гипотезы о наиболее информативных точках текста отнюдь не неуязвимы. Однако просто из соображений здравого смысла ясно, что едва ли информативные точки совпадают с пробелом, последней буквой слова или с промежутком между двумя буквами в середине слова. А точки фиксации взора, как оказалось, весьма часто именно там и находятся. И хотя достоверно известно, что в более трудном тексте точек фиксации больше, чем в легком, в целом дальше этого дело не пошло. Понадобилось много времени, чтобы ученые отказались от надежды обнаружить столь непосредственную связь между механизмами мышления и механизмами речи, а следовательно, и от веры во всемогущество соответствующих «объективных» методик.

Каковы же те эмпирические ситуации, о которых сегодня большинство